

5

**БАҒЫЗБАЕВА ОҚУЛАРЫ
БАГИЗБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**ПОЛИМӘДЕНИ КЕҢІСТІКТЕГІ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ТІЛ**

**ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Содержание

I. ЛИТЕРАТУРА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Джолдасбекова Б.У.</i> Сознание художника в дискурсе новеллы Ю.Домбровского «Смерть лорда Байрона»	3
<i>Абдигалиева А.Б.</i> Сон и реальность в художественной системе романа трилогии «Сны окаянных»: проблема границ	8
<i>Абишева С.Д.</i> Стих поэтической группы «Московское время»	12
<i>Абишева У.К.</i> Повесть «Мечтатель» А. Толстого в контексте русской усадебной прозы	18
<i>Алдабергенкызы Л.</i> Своеобразие культурного пространства поэтического дискурса Вячеслава Шاپовалова	26
<i>Афанасьева А.С.</i> Особенность построения цикла В.А.Пьецуха «Рассуждение о писателях»	30
<i>Әзизова А.О.</i> Қазіргі қазақ әдебиетіндегі ұлттық дүниетаным	33
<i>Баянбаева Ж.А.</i> Поэзиялық аударма мәселелері	37
<i>Бектурганова Г.З.</i> А. Бейль шығармашылығындағы «итальян» тақырыбының ерекшелігі	41
<i>Бралина С.Ж.</i> Текст в информационном процессе фольклора	44
<i>Валикова О.А.</i> Мотив <i>черного человека</i> в романе А. Жаксылыкова «Поющие камни»	48
<i>Джаламова Ж.Б.</i> Авторская позиция в повести М.М. Пришвина «За волшебным колобком»	51
<i>Қазыбек Г.Қ.</i> А.С. Пушкиннің «А.П. Кернге» өлеңінің қазақ тіліне аударылу тарихы	55
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Рецепция русской классики в лирике Абая	59
<i>Какишева Н.Т.</i> Мифологические параболы Ч.Айтматова	63
<i>Козай Э.Р.</i> Уроки мастеров: миф в прозе Б.М. Канапьянова и Ч.Т. Айтматова	68
<i>Кормилов Сергей.</i> «Чтобы свеча не погасла». Диалог Л.Н. Гумилева и А.М. Панченко	73
<i>Ломова Е.А.</i> Развитие славистики в Англии и США в середине двадцатого столетия	92
<i>Мәдібай Қанипаш.</i> Абай поэзиясының тілі	95
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Своеобразие композиции повести Сатимжана Санбаева «Көп-ажал»	97
<i>Муканова Г.К.</i> Смагул Садвокасов и Лев Толстой	101
<i>Мухамадиев Х.С.</i> Концептуальные модели национального самосознания в авторском дискурсе А. Алимжанова	103
<i>Нурмаханова М.К.</i> Проблемы теории и практики художественного перевода в трудах известного критика Калжана Нурмаханова	109
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Опыт Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике	113
<i>Таттимбетова К.О.</i> Қазақ поэзиясындағы еркіндік, тәуелсіздік мәселелері	118

современному полноценному homo sapiens и входящих в универсальное когнитивное пространство [3, 104]. Поэт В.Шаповалов, остро ощущая духовные ценности, заложенные в сокровищнице кыргызской культуры, посредством лирического обращения-монолога предупреждает о недопустимости утраты «голоса Манаса» и необходимости постоянного творческого возрождения его от поколения к поколению.

Поэтическая структура анализируемого стихотворения на собственно лингвистическом уровне отмечена художественной актуализацией вкраплений из кыргызской речи: «*кырк чоро*» – во второй строке четверостишья и «*акындарга керек емес эч нерсе...*» – в четвертой строке второго четверостишья. Эти лингвопоэтические единицы лирического контекста – свидетельство подлинного литературно-художественного билингвизма Вячеслава Шаповалова. Активной функциональной значимостью, в первую очередь, обладает второе вкрапление (русский перевод – «*Поэтам ничего не нужно*»), которое можно квалифицировать как духовное творческое кредо поэтов всех времен и всех народов.

Обобщая наблюдения над особенностями культурного пространства поэтического дискурса Вячеслава Шаповалова, мы констатируем следующее:

1. Речетворческая деятельность известного кыргызского поэта характеризуется уникальным культурно-эстетическим пространством, в котором в качестве доминантных компонентов, наряду с элементами русской словесной культуры, выступают и элементы кыргызской словесной культуры, христианской и мусульманской мифопоэтических картин мира.

2. Прецедентные феномены, представляющие русскую и кыргызскую словесные культуры, христианской и мусульманской мифопоэтических картин мира, органически сочетаясь в шаповаловском дискурсе, порождают феномен автопрецедентности. Автопрецеденты, в определении Д.Гудкова, представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанным с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды [3, 103]. В условиях порождения и функционирования поэтического дискурса, когда любой элемент речемыслительной деятельности отмечен печатью индивидуальности и обладает субъективной познавательной, эмоциональной, аксиологической значимостью, автопрецедентными необходимо считать все единицы, участвующие в создании индивидуально-авторской картины мира.

Литература

1. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М.Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
2. Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века).– Алматы: Рауан, 1996.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации.– М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Афанасьева А.С.

преподаватель КазНУ им.аль-Фараби, г. Алматы

Особенность построения цикла В.А. Пьецуха «Рассуждение о писателях»

В.А. Пьецух неоднократно свои рассказы объединяет в циклы. В данной работе рассматривается самый большой цикл «Рассуждение о писателях».

Новая литература дает образцы цикла как в области художественной прозы, так и в области поэзии, в области научной и литературно-критической. Впрочем, лишь в применении к художественной прозе понятие это обладает некоторой отчетливостью, — в

применении же к остальным областям оно нередко без разбора употребляется вместо слов «сборник статей», «книга стихов».

В 1970-80-х гг. появились фундаментальные исследования, посвященные русским прозаическим циклам 1820-30-х гг. – А.С.Янушкевича, 1840-60-х гг. – Ю.В.Лебедьева; лирическим циклам пушкинской эпохи – М.Н.Дарвина, поэтике лирического цикла – И.В.Фоменко.

Из зарубежных исследований надо отметить монографию Ф.Инграша – о циклах Блока, с включением ряда теоретических глав, работы Р.Вроона о стихотворных циклах.

«Рассуждения о писателях» В. Пьецуха — большой цикл, посвященный Пушкину, Гоголю, Белинскому, Лермонтову, Островскому, Толстому, Чехову, Достоевскому, Горькому, полузабытому Н. Успенскому, Лескову, Писареву, Писемскому, Герцену, Тургеневу, Куприну, Есенину, Бабелю, Пришвину, Зощенко, Шукшину. Подобно Горькому, Пьецух мог бы сказать о себе, что он профессиональный читатель, влюбленный в литературу. Писатель так и сделал, создав своеобразную антологию своих литературных кумиров.

Пьецух рассуждает не столько о произведениях классиков, сколько пытается воссоздать противоречивость их характеров. Здесь он не стесняется в выражениях, коллекционируя причуды своих героев, и даже кое-что приписывает им от щедрости своей широкой натуры.

Пьецух показывает классиков с разных сторон, замечая мельчайшие оттенки их поведения. Он говорит, что «Пушкин, безусловно, «солнце нашей литературы», но однажды он полночи провел под кроватью Финкельмон. Великий Гоголь был большой ретроград, да еще и капризный до такой степени, что им тяготились самые искренние поклонники. Гончарова знали как примерного семьянина и одновременно пылкого ненавистника всякого крупного дарования. Тургенев отличался крайним высокомерием, на вопрос о здоровье отвечал: «Вы что, доктор, чтобы спрашивать о здоровье?» — и при этом был так бесконечно добр, что раз чуть было не поступил на службу в ненавистную канцелярию, поскольку его пригласил приятель, которому было тягостно отказать. Лев Толстой дошел в опрошении до того, что сам сапоги тачал и вводил в столбняк Софью Андреевну матерными речами. Куприн как-то облил свою супругу одеколоном и подпалил. Лесков был человек раздражительный... желчный... злопамятный». [1, 25] Исключение сделано для Чехова, он как человек и писатель для автора абсолютно безгрешен, и Пьецух посвящает ему одические строки: «И вот в минуту жестокой нелюбви к самому себе, в минуту смятения, когда дороже жизни возможность высказаться перед всепонимающим человеком, ты берешь лист чистой бумаги, ручку — и выводешь: «Уважаемый Антон Павлович!...»» [1, 26]

Начинается цикл с рассуждения о Белинском - «Вечный Виссарион».

Пьецух рассказывает, что несколько лет тому назад в «умышленном» городе Петербурге жил подданный Российской империи Виссарион Григорьевич Белинский, который изо дня в день ходил теми же дорогами, что и мы. Пьецух, пытаясь воссоздать образ обычного человека, который при всем своем таланте не особо отличался от подавляющего большинства людей, приводит пример: «...положим, ходил Поцелуевым мостом или мимо Кузнечного рынка, как и мы, говорил общие слова, чихал, тратил деньги и ежился от балтийских ветров...» [1, 30]

«Вечным Виссарионом» он его называет потому что, по мнению Пьецуха, писатели по-прежнему пописывают, а читатели по-прежнему почитывают, и предела этому не видать. Для того чтобы этому найти объяснение, нужно указать на следующие: сейчас Белинского практически не читают. Пройдут его в школе, выучат, что «жизнь Белинского – яркий пример беззаветного служения родине, народу и больше о нем ничего не читают. «А зря!...» [1, 35]

Следующие «рассуждение» посвящено А.Н. Островскому - «Таланты и поклонники».

Подобно первому рассуждению начинает Пьецух с описания места жительства классика: «Если перейти Москву-реку по Устьинскому мосту и, миновав начало Большой Ордынки, повернуть в бывшую Малую Ордынку, то вскоре по левую руку увидится небольшой двухэтажный дом той добродушной архитектуры, которую подмывает назвать «губернское рококо». Здесь 31 марта 1823 года родился Александр Николаевич Островский – великий русский драматург, «Колумб Замоскворечья», основоположник отечественного реалистического театра» [1,50].

Пьецух отмечает, что культурное значение этого имени всем хорошо известно, и скорее всего со школы по статьям Добролюбова, а впоследствии – по телевизионным постановкам. Но мало кто знает, по мнению Пьецуха, Островского как человека. Между тем судьба драматурга таит в себе немногим меньше открытий, чем его творения, во всяком случае, в той области человеческих отношений, который с легкой руки Пушкина в прошлом веке именовались отношениями «поэта и толпы». Островский предпочел более демократическую терминологию – «talанты и поклонники». Описывая биографию Островского, Пьецух приходит к интересному заключению, что, как правило, биографии почти всех великих художников – это своеобразный перечень несчастий, от тяжелых недугов и нищеты до непризнания современниками.

Третье рассуждение посвящается Чехову - «Уважаемый Антон Павлович».

В самом начале В.А. Пьецух сразу признается: «Это удивительно, но еще не так давно образ живого Чехова был для меня невообразим, как четвертое измерение, и сколько, бывало, ни силишься представить себе жизнеспособного Антона Павловича, Антона Павловича из плоти, крови, пиджака, туфель, в лучшем случае делается не по себе от той мысли, что кто-то мог запросто пихнуть его на улице или сказать: «Ну, ты!..»» [1.70].

Вот к какому выводу приходит Пьецух: «Чехов более, чем кто-либо из писателей его времени, жил по правилам мыслителей древности, то есть как писал, так и жил, в полном соответствии со своей формулой: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» - жил до такой степени чисто, что если бы он просто описал свою жизнь, то это была бы великая литература» [1, 72].

Далее рассуждения цикла свою композицию и последовательность не меняют. Пьецух знакомит читателей с последующим писателем и подробно, как бы поднимаясь по ступеням, описывает их жизнь и творчество. Причем последовательность всегда одинакова: вначале мы узнаем кому посвящено рассуждение, затем подробно Пьецух описывает семью, где родился тот или иной писатель, далее идет описание внешности и только потом основательно разбирается творчество.

Несколько выбивается из общей структуры цикла рассуждение о Толстом - «Бог среди людей, или зеркало русской контрреволюции».

Уже в названии мы видим основную тему рассуждения: религия Толстого. Пьецух говорит, что Толстой сочинил вполне утопическую религию, интересную разве что для тончайшего жирового покрова человеческой гущи, так называемого культурного общества, потому что, рабочему, крестьянину, нищему, солдату, ремесленнику некуда и незачем опрощаться, и не могут они пользоваться результатами чужого труда, и медицина для них практически недоступна, и в балете они не бывают. И любовь-то для них скорее отправление организма. «Толстовство было религией, основанной Львом Толстым для самого Льва Толстого, которую основатель был не в состоянии отправлять. А дело-то было в том, что его утопическая религия никак не проецировалась на практику бытия» [1, 80].

Конечно, некоторых писателей Пьецух выделяет особенно. Так, например, Куприн, по его мнению, заслуживает особого внимания. Рассуждение о нем носит название: «Страдание по России».

Нынешние писатели, говорит Пьецух, живут по общегражданскому образцу. Они не стреляются из-за филологических разногласий, не учат власти предрежащие уму-

разуму и даже не устраивают причудливых кутежей. И то сказать: нынешний писатель - человек бедный, стесненный семейством, общественной деятельностью, разными страхами, а также огорченный равнодушием современников, которые вряд ли его поймут, если он, скажем, искупает в Москве-реке постового милиционера.

«Горький Горький» - завершающее рассуждение цикла. Пьецух не лестно отзываясь как о писателе, так и о его творчестве. Он говорит, что значение писателя Горького сильно преувеличено. Он начинал свою литературную деятельность как восторженно-грозный романтик с балладами в белых стихах и прозе, исполненными подросткового пафоса, замешанными на аллегории, отдающей в восемнадцатое столетие, построенными на материале из жизни животных и босяков, частенько выходящими на простецкие сентенции, вроде «Рожденный ползать летать не может».

Литература

1. Пьецух В. Рассуждение о писателях. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 336с.
2. Ф.М.Достоевский, «Преступление и наказание».
3. Басинский П. Писатель нашего времени // Нева. – 2002. - №2. – С. 15-22
4. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература // Флинта. - 1999.
5. Эпштейн М. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX-XX веков. - М.: Советский писатель, 1988.
6. Сидоров Е. Рассуждение о писателе Пьецухе // Нева. – 2002. - №3. С. 24-30
7. Барт Р. От произведения к тексту // Вопр. литературы. - 1988. - № 11. С. 56-67
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М.: Худож. лит. 1975. – 265 с.
9. Бродский И. О Достоевском // Нева. - 1991. - № 11. С. 12-20
10. Вайнштейн О. Постмодернизм: история или язык? // Вопр. Философии. - 1993. - №3. С. 20-36
11. Горячева Т. Православие и постмодернизм. — Л.: Изд-во Ленингр, 1991.- 236 с.
12. Иваницкая Е. Постмодернизм=Модернизм? // Знамя. - 1994. - № 9. С. 51
13. Ильин И. П. Постмодернистская чувствительность // Современное зарубежное литературоведение. Концепции. Школы. Термины // Энциклопедический справочник. — М.: Интрада, 1996. – 354 с.
14. Лиотар Ж.-Ф. Отвечая на вопрос: что такое постмодерн // AD MARGI-NEM'93. Ежегодник лаборатории постклассических исследований. Ин-т философии Российской АН. — М.: AdMarginem, 1994. –200 с.

Әзизова А.О.

әл-Фараби атындағы ҚазҰУ оқытушысы, Алматы қ-сы

Қазіргі қазақ әдебиетіндегі ұлттық дүниетаным

Бүгінгі таңда әлемдік ауқымда танылып үлгерген егеменді еліміздің мемлекеттік бағдарламаларында ұлттық руханиятқа кең өріс берілуі ғалымдардың жаңа тынысын ашты. Соның нәтижесінде фольклор, этнография, көркем әдебиет салалары да өз нысандарына тереңдей еніп зерттеудің және өзара сабақтастықта дамудың жаңа белесіне көтерілді.

Ерте кезден бүгінге дейінгі жыр-толғауларды оқи отырып біз қазақ халқының өзіне ғана тән өмірге деген көзқарастарын, табиғат пен қоршаған орта туралы түсінік танымдарын танып, білеміз. Жалпы дүниетаным деген не? Ол туралы философиялық сөздіктерде мынадай анықтама берілген екен: “Дүниетаным – адамдар мен табиғатқа, жалпы құндылықтарға моральдық нормаға тұлғаның жалпы қатынасын білдіретін негізгі (бастапқы) сенім, қалып, таным немесе қоғам мүшелерімен ортақ көзқарас қалыптастырып, қоршаған ортамен қатынас қалыптастырудағы негізгі өлшем.